

Александр Ралот

Александр Викторович Петренко (псевдоним – Александр Ралот) – краснодарский прозаик, публицист и краевед. Автор 20 электронных книг и 15 бумажных. Публиковался в периодических изданиях: литературно-художественных журналах «Берега», «Южная ночь», «Земляки», «Метаморфозы», «Созвучие» (Беларусь), «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый континент» (США), «День литературы», русско-новозеландском вестнике «Наша Гавань», «Планета писателей», альманахах «Чайка», «West US» (США), «Что есть истина?». Победитель конкурса «Золотое перо Руси».

ЗА СЛУЖЕНИЕ РОССИИ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ ПРИГОВОРИТЬ!

Рассказ

1812 год. Российская империя

– Уважаемый господин Кваренги, боюсь, у меня для вас дурные вести. – Чиновник итальянского посольства переминался с ноги на ногу, боясь переступить порог дома архитектора.

Хозяин указал гостю на венский стул:

– Да проходите уж, не стойте как истукан. Что там стряслось на нашем почтенном Апеннинском сапоге?

– Извольте ознакомиться и расписаться в получении. – Продолжая стоять, гость протянул Джакомо Кваренги конверт. – К сожалению, задерживаться не могу, в столице итальянцев немало, и мне надобно каждому лично вручить подобное послание. Вынужден также сообщить, что наше посольство уже завтра ждёт от вас ответ, ибо дело сие чрезвычайной важности и задержка недопустима.

Поняв, что гость к долгой беседе не расположен, архитектор распечатал конверт и быстро ознакомился с содержанием.

«...Всем итальянцам, состоявшим на русской службе, приказано вернуться в Италию... в случае отказа каждый ослушавшийся будет незамедлительно приговорён к смертной казни, с конфискацией имущества!.. Король Италии».

Хозяин дома отвлёкся и хотел что-то сказать посетителю, но того уже не было. Лишь громкий стук входной двери засвидетельствовал, что чиновник ретировался по-английски, поспешно и не прощаясь.

Джакомо подошёл к окну, долго смотрел на проезжающие внизу кареты и спешащих по своим делам людей разного чина. Затем кликнул супругу Анну Катерину Конради. Когда женщина вошла, протянул ей королевский вердикт:

– Что скажешь, дорогая? Как поступим? Будем паковать дорожные баулы или останемся?

– Последнее слово всегда за вами, мой господин, – молвила Анна. – Господь всегда посылает нам испытание по силам нашим. Вспомните, как девятнадцать лет назад во время родов покинула этот бренный мир ваша первая жена. И на вашем попечении осталась новорождённая девочка и четверо малолетних детей. Вы тогда покинули Россию, перебрались в Бергамо, но всё же через два года вернулись. По всему выходит, ваша Родина отныне здесь и, полагаю, уже навсегда, ибо правитель Италии слов на ветер не бросает. Окажетесь в его владениях, велит казнить без всякой жалости.

– Я тебя услышал, спасибо. А теперь ступай, мне надобно подумать.

Кваренги, покашливая и кряхтя, опустил на стул. Прожитые годы брали своё.

– Сделай милость, принеси мне кьянти. Нет, лучше завари кофе. Сейчас мне потребна трезвая голова.

* * *

Оставшись один, архитектор предался воспоминаниям. Перед глазами пронеслись годы далёкой юности, споры с отцом Антонио по поводу выбора профессии. Старший Кваренги настаивал, чтобы сын не смел нарушать семейную традицию. В случае если родятся три сына, два из них должны принять сан священнослужителя. А он, Джакомо, младший, второй. Обязан пройти курс обучения в известном в Бергамо коллеже «Милосердие», а затем облачиться в рясу.

«...не могу достаточно выразить отвращение, с которым я предавался таким занятиям. Но не буду отрицать, что в курсе риторики я чувствовал особенную склонность к поэзии и что мне до крайности нравились три изящнейших латинских поэта – Катулл, Тибулл и более всех Аергилий, из которых я перевёл в итальянских стихах несколько произведений... но склонность, сильно влѣкшая меня к художествам, не позволявшая, чтобы я стал ни поэтом, ни философом, ни духовным лицом, была причиною того, что я извлѣк мало или совсем не извлѣк плодов из таких упражнений».

В конце концов родитель сдался. Видя, как его наследник всецело увлечѣн изобразительным искусством, отправил его учиться рисованию у лучших художников города Бергамо Паоло Бономини и Джованни Раджи.

Но юный бунтарь на этом не успокоился. Утверждал, что манера их преподавания – устаревшая!

– Раз тебе и это не по нраву, остаётся одна дорога – в монастырь Сан-Кассино! – Отец в гневѣ стукнул кулаком по столу. – Примешь обет послушания и будешь всецело служить господу нашему Иисусу Христу.

– Отпусти меня в Рим. Там есть люди, у которых можно получить хорошие знания в области живописи и архитектуры. Обещаю, семью не подведу и фамилию не опозорю.

Настойчивость юноши была столь велика, что отец, немного поколебавшись, всё же сдался.

* * *

Архитектор открыл глаза и посмотрел на чашку с ароматным напитком. Супруги рядом не было. Она прекрасно понимала состояние мужа и, принеся кофе, тихо вышла из комнаты.

Джакомо попытался вспомнить, как пахнет кофе в далёком Риме, но не смог, а потому, закрыв лицо руками, вновь предался воспоминаниям.

«Аббат Торп познакомил меня со знаменитым меценатом Редзониго. И тот не побоялся заказать у меня проект церкви в Субиако.

Проблема была в том, что её надо было не построить с фундамента, а переделать уже имеющееся здание, причѣм изменения должны были быть минимальными.

Пришлось изловчиться и создать новый храм внутри уже существующего».

* * *

За тридцать три года до описываемых событий.

Санкт-Петербург.

Кабинет императрицы Екатерины Второй

Царица окунула в чернильницу острозаточенное перо, а затем начертала на чистом листе бумаги: «Италия. Рим. Барону Фридриху Гримму.

Мой любезнейший друг, не соблаговолите ли в кратчайший срок подыскать двух хороших архитекторов-итальянцев для работы в России. Ибо строительство затеваю масштабное, дабы держава наша не хуже иных европейских стран вид достойный имела!»

* * *

Хозяин дома в два глотка выпил ароматный напиток и поставил чашку на стол. Вспомнил, как, почти не колеблясь, принял предложение императрицы северной страны, как долго добирался через Крым до столицы огромного государства, как приступил к своей первой работе, перестройке дворца Её Высочества на реке Яузе. Затем были православные церкви в Царском Селе, Павловске и Пулкове, Английский дворец в Петергофе, Эрмитажный театр на Дворцовой набережной, реконструкция покоев царицы в восточной части Зимнего дворца.

«Мальтийская капелла при Воронцовском дворце. Это уже при правлении её сына Павла Первого, который и присвоил мне звание Архитектора высочайшего двора и капитула ордена святого Иоанна Иерусалимского. Потом было строительство Смольного института. Это уже при нынешнем самодержце Александре Первом...»

Его воспоминания прервал звон убираемой посуды.

– Так мы остаёмся или нет? – еле слышно произнесла супруга.

– Моя Родина отныне и до скончания дней – Россия, – ответил архитектор и, опираясь на стол, поднялся с места.

* * *

Два года спустя Джакомо Кваренги получил потомственное российское дворянство и за выдающиеся заслуги был награждён орденом Святого Владимира первой степени.

* * *

Архитектор тихо скончался 2 марта 1817 года.

Его тело было предано земле на католическом участке Волкова кладбища.

Сорок три года спустя место его последнего упокоения было утеряно.

Прошло ещё сто лет

В начале шестидесятых годов прошлого века могилу знаменитого итальянца и русского дворянина отыскали. А в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом – перезахоронили на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

«Значение Кваренги в истории русского зодчества конца XVIII и начала XIX века очень велико. Величайший мастер своего времени, не знавший себе равного в целой Европе, он является в значительной степени создателем той архитектурной физиономии, которую имеет Петербург. Ибо здесь ещё до сих пор стоят почти нетронутыми десять грандиознейших зданий из числа выстроенных им. Но со смертью Кваренги дух его архитектуры не умер, и он нашёл себе достойного продолжателя в лице даровитого К. И. Росси, довершившего начатое им дело украшения столицы. В Европе нет столицы, которая была бы так богата архитектурными сокровищами строгого вкуса»

(Игорь Грабарь).

